

**Министерство культуры Республики Дагестан
Республиканский дом народного творчества МК РД**

ВСЕМИРНЫЙ ДЕНЬ ТЕАТРА

*Репертуарно-сценарный сборник для КДУ, центров
культуры, детских театральных студий и коллективов
к Всемирному дню театра
27 марта*

Махачкала 2025

«Надо воспитывать новое поколение зрителей, умеющих понимать и ценить театральное, драматическое, музыкальное искусство...

Спектакль – это произведение, которое относится к театральному искусству, в его основе лежит сценический сюжет, который должен воспитывать молодое поколение России»

В.В. Путин

Уважаемые коллеги!

Традиционно **27 марта** отмечается **Всемирный день театра**, который был установлен еще в прошлом веке, 1961 году. И ежегодно 27 марта отмечается всеми международными театральными обществами. Единым девизом стали слова: «Театр – средство взаимопонимания и укрепления мира между народами».

У театра большая история: от 3 в. до нашей эры до сегодняшнего дня он живет, радуя своих благодарных зрителей.

Основными задачами театра сегодня являются: сохранение и популяризация лучших отечественных театральных традиций и достижений; доступность лучших образцов театрального искусства для жителей разных городов, регионов; совершенствование организации

театрального дела и привлечение внимания к вопросам театрального образования.

В нашем многонациональном Дагестане работает более 30 народных театров и драмколлективов, которые ставят спектакли на языках народов Дагестана.

Народные театры решают глобальную задачу – способствуют воспитательной и просветительской миссии: учат мыслить, постигать доброе, сочувствовать чужой боли и уметь сопереживать, воспитывать патриотические чувства.

Совместно с образовательными учреждениями следует активизировать работу «Театр в школе», привлекать специалистов, сельчан к творческому процессу, подбирать правильный репертуар.

Рекомендуем расширить патриотическую тематику в рамках 80-летия Великой Победы, борьбы с нацизмом, воспитывая в детях и молодежи любовь к Родине, уважение и память к историческому прошлому, образу героя-победителя.

Президент РФ В.В. Путин говорил: «Нужны серьезные качественные постановки для детей и подростков, которые будут знакомить их с русской и мировой культурой, учить думать, сопереживать и верить в силу добра. И, конечно, на театральных сценах должны ставиться произведения современных отечественных авторов».

Для работников КДУ, центров традиционной культуры важно приобщать детей к культуре, своему наследию, чтобы сохранять наше будущее, потому что «сегодня – дети, завтра – народ».

К Всемирному дню театра 27 февраля в Избербаше состоялся фестиваль народных театров «Моя Победа», посвященный 80-летию Победы, организованный Министерством культуры Республики Дагестан, Республиканским домом народного творчества совместно с Отделом культуры г. Избербаша и Даргинским государственным музыкально-драматическим театром им. Омарла Батырая.

С приветственным словом выступила Муслимова Мехрибан Амрулаевна, помощник министра Труда и социального развития, учредитель сообщества «Сила матерей», мать Героя России, кавалера Ордена Мужества Азима Муслимова. В фестивале приняли участие «Движение первых», 15 театральных коллективов из разных районов Республики Дагестан, которые продемонстрировали богатство культурного наследия региона, вынеся на суд зрителя разножанровые произведения к 80-летию Победы.

Яркие впечатления оставили постановки театральных коллективов Кизляра (по А. Дудареву «Рядовые»), Дербента

(фрагмент спектакля «Души Холокоста»), Унцукульского района (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне), Образцового детского музыкального театра «Синяя птица» Каякентского района (пьеса «Комсомольцы-добровольцы») и др. коллективы.

Увиденное на сцене призывает молодое поколение быть готовым к защите родины и близких, оставаться верным своим принципам и не предавать их даже перед лицом смерти, а также воспитывает детей и молодежь на примерах художественной литературы быть патриотами своей страны.

Мастер-класс для режиссеров и участников народных театров при участии режиссера даргинского театра Рабадана Ильясова и специалиста РДНТ Магомеда Дудуева стал финальным аккордом фестиваля, который позволит далее совершенствовать постановки и выступления творческих коллективов, будет способствовать творческому обмену и профессиональному росту коллег драмколлективов и народных театров нашей республики.

В рамках предстоящего Дня театра просим КДУ и центры традиционной культуры МО РД провести подобные акции на местах. В качестве рекомендаций для проведения праздника следует обратиться к сайту РДНТ МК РД

www.dagfolkkultura.ru, где предложены репертуарно-сценарные материалы прошлых лет ко Дню театра.

УРОКИ ПАМЯТИ

Юрий Ломовцев

«СЫНЫ БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА»

Повесть для театра в картинах, воспоминаниях,
документах

Действующие лица:

АВТОР – человек в возрасте, от лица которого ведется повествование

ПЕРСОНАЖИ – те, кого нет в живых, но кто навсегда останется в памяти

Часть первая

На сцене АВТОР. На столике перед ним разложены фотографии. АВТОР берет их по одной и раскладывает на фанерном щитке, с которым собирается пойти на шествие «Бессмертного полка».

АВТОР. Вот он, мой семейный пантеон. У каждой семьи он свой. В каждой семье свои герои... Вместе они – Бессмертный полк. (*Достаёт коробку.*) В этой коробке я храню боевые награды и памятные медали моих родных. В общем зачете семьи их не так уж и много. (*Перебирает медали.*) У деда Миши одна медаль. Две у деда Кости. У отца – четыре: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией в Великой отечественной войне». У бабушек боевых наград нет. А памятные медали вручали всем, пережившим блокаду. Вон их сколько. Мама тоже такую медаль получила. Когда началась война, ей было 9 лет, и бабушка собиралась отправить ее к родственникам в деревню...

Возникают очертания комнаты в ленинградской квартире. Стоят приготовленные к отъезду чемоданы. Играет патефон. Томочка танцует с куклой в руках.

ТОМОЧКА (*перекрикивая патефон*).

Ехали медведи на велосипеде,

А за ними кот задом наперед,

А за ним комарики на воздушном шарике,

Едут и смеются, пряники жуют!

Входит Фрося, мать Томочки.

ФРОСЯ. Томочка, тише! *(Выключает патефон.)*

ТОМОЧКА. Мамочка, зачем ты мне мешаешь играть?!

ФРОСЯ. Томочка, война началась!

ТОМОЧКА. Война? Ну, и пусть! А у меня бал!

ФРОСЯ. Не понимаешь, что говоришь... *(Включает радио.)*

По радио звучит речь Молотова: «... война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы... Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны...»

ФРОСЯ *(плачет)*. Ой, беда, беда! *(Обнимает Томочку, прижимает к себе)*. Господи! Что же делать, Томочка? До поезда осталось четыре часа...

ТОМОЧКА. Мы едем, да? Папа отвезет нас на вокзал, и мы поедем?

ФРОСЯ. Не знаю, Томочка. Я с мыслями никак собраться не могу!...

ТОМОЧКА. Почему? Мамочка, я хочу в деревню! Там бабушка! Там козочка Белка! Там подружки! Я в речке купаться хочу!

ФРОСЯ. Какая уж теперь речка, Томочка... Война!

(Входит отец Томочки, Михаил. Фрося бросается к нему.)

Миша, что с нами будет, скажи! Мы едем? Нет?

МИХАИЛ. Не едем. Я по дороге в военкомат зашел. С завтрашнего дня объявлена мобилизация. Но чемоданы ты пока не убирай... Вас могут отправить в эвакуацию.

ФРОСЯ. О господи!

ТОМОЧКА. Папа, мы не поедем в деревню?

МИХАИЛ. Нет, Томочка. Завтра я уйду на фронт...

Затемнение

АВТОР. В июле началась эвакуация...

Снова возникают очертания комнаты в ленинградской квартире. Фрося закрывает чемодан. Томочка стоит рядом с опущенной головой.

ФРОСЯ. Все-таки едешь... Только не в деревню – в эвакуацию.

ТОМОЧКА. Что это – эвакуация? Я боюсь, мама.

ФРОСЯ. Это ненадолго, Томочка. Почти как в пионерский лагерь съездить. Ты не расстраивайся и не плачь. Как только будет возможность, я за тобой приеду. Видишь, я даже много вещей тебе с собой не даю. Сказали зимнее пальто брать не надо. Одна мамаша стала возражать, так на нее прикрикнули. Паникершей назвали...

ТОМОЧКА. Я не хочу без тебя, мама!

ФРОСЯ. Что делать, всех отправляют, Томочка. Ты пойми, враги под боком у нас сидят, в 30 километрах от города. Ты

только не бойся, врага быстро отгонят – и вы вернетесь. Только месяц надо потерпеть, самое большое два

ТОМОЧКА. Я не хочу без тебя, мама! Зачем ты меня отправляешь?

ФРОСЯ. Так надо, Томочка! Всех детей эвакуируют, думаешь, нас, родителей, спрашивают?

ТОМОЧКА. Я не хочу!

ФРОСЯ. Ты не одна поедешь! С тобой тетя Валя поедет и дочка ее Наташа, подружка твоя.

ТОМОЧКА. А ты?

ФРОСЯ. Меня с завода не отпустят. И хватит разговоров. Раз сказали, надо ехать – значит, надо.

ТОМОЧКА. Куда нас повезут?

ФРОСЯ. Точно не знаю. Говорят, не далеко. В Боровичи. Боровичи совсем рядом, Томочка. *(Закрывает чемодан)*. Все собрала. Осталось только до эвакуопункта довести. Ты тетю Валю слушайся. *(Вдруг начинает плакать в голос, прижимает к себе дочь.)* Да что же это, господи! За что нам

это! (*Томочка тоже плачет.*) Не плачь. Слезами горю не поможешь. Все будет хорошо!

Затемнение

АВТОР. Эвакуация детей из Ленинграда началась практически сразу, как только объявили войну. Нападения ждали со стороны Финляндии, союзницы нацистской Германии. (*Берет со стола книгу, открывает ее и разворачивает вклеенную в книгу карту.*) На этой карте видно, откуда ожидался основной удар – с севера. А детей вывозили в южные районы Ленинградской области – Старую Руссу, Молвотицы, Боровичи и на восток – в Бокситогорский и Тихвинский районы. Никто не мог предположить, что немцы так быстро продвинулись к Ленинграду именно с этих направлений. В конце июля по городу поползли страшные слухи...

Возникают очертания ленинградской улицы, по ней торопливо идут две женщины.

1-я ЖЕНЩИНА. Ужас какой рассказывают! Целый состав с детьми разбомбили!

2-я ЖЕНЩИНА. Где, когда?!

1-я ЖЕНЩИНА. Вчера. На железнодорожной станции. Целый состав! Никто не спасся! Триста детей погибло!

2-я ЖЕНЩИНА. Не может быть!

1-я ЖЕНЩИНА. Так говорят.

2-я ЖЕНЩИНА. А где бомбили? Где? Вы не знаете?

1-я ЖЕНЩИНА. Лыково, станция называется. Или Лычково. Врать не стану.

2-я ЖЕНЩИНА. Господи, я же Нюсеньку только на прошлой неделе отправила! Что же делать теперь?

1-я ЖЕНЩИНА. Говорят, матери собрались и пошли в Горсовет. Требуют: верните наших детей! Мол, пусть лучше они с нами здесь будут! А умрем, так вместе! Хотя бы знать будем, как и где!

2-я ЖЕНЩИНА. Мне-то что делать? Нюсеньку надо спасать! В Горсовет пошли, говорите? Может и мне в Горсовет побежать?

1-я ЖЕНЩИНА. Бегите, мамаша, бегите!

Затемнение.

АВТОР. 13 июля 1941 года вражеские самолеты действительно обстреляли детский эшелон на 226-м километре Октябрьской железной дороги, вблизи станции Боровенка... Количество погибших неизвестно. Эта трагедия по каким-то причинам не попала в отчеты об эвакуации, только в недавнее время заговорили о ней. А вот на станции Лычково в 2005 году открыли мемориал погибшим детям. Через 64 года после трагедии...

Возникают очертания железнодорожной станции. Девочка и мальчик смотрят в небо.

МАЛЬЧИК. Смотри, самолет летит!

ДЕВОЧКА. Немецкий?

МАЛЬЧИК. Ты что! Немецкий наши еще сегодня утром подбили! Ура!!!

ДЕВОЧКА. Точно наш самолет?

МАЛЬЧИК. Да точно!

ДЕВОЧКА. Смотри, смотри! А что это сыплется из него?

Затемнение.

АВТОР. Сыпались бомбы... Вражеский самолет пошел по второму кругу, расстреливая из пулемета разбегающихся детей... Вот документ. (*Берет со стола книгу, зачитывает.*) «На станции Лычково в момент подготовки и посадки детей в эшелон был произведен внезапный налет (без объявления воздушной тревоги). Одиночный немецкий бомбардировщик сбросил до 25 бомб, в результате чего разбито 2 вагона и паровоз из детского эшелона, порвана связь, разрушены пути, убит 41 чел., в том числе 28 ленинградских детей, и ранено 29 чел., в том числе 18 детей». С военной точки зрения бомбить станцию Лычково не имело никакого смысла. Это было военное преступление фашистов в чистом виде.

Возникают очертания заводского цеха. В цехе Фрося и ее начальник.

ФРОСЯ. Я вас очень прошу, Иван Максимович! Всего на три дня! Что же мне на колени перед вами встать?

НАЧАЛЬНИК. Не могу, Фрося, как ты не понимаешь? Работать кто будет? Узнают, что я тебя отпустил, – под трибунал отдадут. Время военное.

ФРОСЯ. Ладно вам! Лиду вон отпустили... И никто вас под трибунал не отдал.

НАЧАЛЬНИК. Эх, семь бед – один ответ! Вы, мамы, с ума посходили! Всем вдруг понадобилось детей их эвакуации забирать! Куда? Зачем? Что здесь хорошего?

ФРОСЯ. Сердце не на месте! Слухи страшнее страшного по городу ходят! Ночами не спишь, думаешь, как она там? Жива ли? *(Плачет.)*

НАЧАЛЬНИК. Пиши заявление!

ФРОСЯ. Ой, спасибо, Иван Максимович! Руки вам буду целовать!

НАЧАЛЬНИК. Прекрати, Фрося! Но только попробуй мне через три дня не вернуться!

ФРОСЯ. Вернусь! Вернусь! По гроб жизни благодарить вас буду!

НАЧАЛЬНИК. За что? Вы, мамы, сами не понимаете, что делаете! Ты вот что, беги в исполком, возьми разрешение, чтобы дочку забрать. Без разрешения не отдадут, напрасно только съездишь.

Затемнение.

АВТОР. Бабушка приехала в Боровичи, куда эвакуировали мою маму, но детей там не оказалось. Когда стало ясно, что место эвакуации выбрано неправильно и скоро в Боровичах будут немцы, детей отправили дальше – в Ярославскую область. Бабушка рванула туда.

В неразберихе первого месяца войны, многие Ленинградцы вернули своих детей из эвакуации. Тогда никто не мог предположить, какая их ждет судьба...

Возникают очертания военного эшелона. У дверей вагона Фрося, Томочка и боец-охранник. Томочка сильно простужена, едва держится на ногах.

БОЕЦ. Говорю же вам, в Ленинград уже никого не пускают. Только военные эшелоны.

ФРОСЯ. Почему?

БОЕЦ. Такой приказ! В город – только военные поезда.

ФРОСЯ. Нам очень надо!

БОЕЦ. Вы что же дура, мамаша? Город окружен, а вы рветесь туда! Зачем?!

ФРОСЯ. Я на работе всего на три дня отпросилась, а уже четвертый пошел! Меня ж за это под суд!

БОЕЦ. Вряд ли... Должны понимать... Война все планы меняет...

ФРОСЯ. Миленький, помоги же ты нам!

БОЕЦ. Не могу!

ФРОСЯ. Что мне с дочкой делать? Заболела она, едва на ногах стоит! Куда мне с ней теперь? Войди в положение! Помоги до дому добраться, миленький! Окружен город, не окружен, мы уж дома разберемся!

БОЕЦ. К начальнику эшелона идите.

ФРОСЯ. Ходили! Отказал... Говорит, откуда дочь забрали, туда и возвращайтесь. А мне на следующей неделе по разнарядке на оборонные работы идти! Кто за меня пойдет? Кто будет окопы рыть? Пусти нас, Христа ради!

БОЕЦ. А мне за вас потом отвечать?

ФРОСЯ. Что ты! Мы как мышки тихо сидеть будем! Ты нас только в вагон пусти, миленький!

ТОМОЧКА. Мне плохо, мама... *(Падает.)*

ФРОСЯ *(подхватывает дочь, с трудом берет на руки)*.
Христа ради прошу!

БОЕЦ. Ладно, полезайте! Только я ничего не видел!..

Затемнение.

АВТОР. Лето 41 года было жарким. Ясная погода позволяла фашистам бомбить Ленинград ежедневно. Мама и бабушка вернулись в Ленинград 6 сентября. А 8 сентября кольцо блокады сомкнулась. В этот же день в результате бомбежки загорелись Бадаевские продуктовые склады. Надвигался голод. Зима началась очень рано и была аномально суровой... *(Перебирает фотографии.)* В 41-ом году отец закончил в школу и собирался поступать в Академию художеств. Как и его друг – Сашка.

ОЛЕГ. Что с тобой, Сашка?

САШКА. От голода едва на ногах держусь.

ОЛЕГ. Брось! Не придумывай! Идем!

САШКА. Ты, Олег, говорил, война неделю продлится. Месяц. Ну, максимум два...

ОЛЕГ. Ну, говорил... Я вправду так думал... И многие думали. Не хотелось верить, что война надолго.

САШКА. Ты говорил, мы немцев шапками закидаем!

ОЛЕГ. Не говорил я так, не придумывай! Не мог я так говорить...

САШКА. Смысл был именно такой!

ОЛЕГ. Ну, хватит! Идешь ты со мной или нет?

САШКА. Нет!

ОЛЕГ. Почему?.. Послушай, столько лет мы приходили сюда в приготовительный класс, мечтали, что когда-нибудь поступим в Академию! Выучимся, станем знаменитыми художниками, как твой любимый Федор Васильев. Ну, или как Левитан. А я даже не задумывался, что Академии есть чердак. Такой огромный чердак! И крыша. С целое футбольное поле! На чердаке сейчас стоят бочки с водой и ящики с песком. Щипцы лежат – зажигалки тушить.

САШКА. Откуда ты знаешь?

ОЛЕГ. Я в отряд записался. Добровольный пожарный отряд. Вчера наше звено балки на чердаке Академии суперфосфатом обрабатывало.

САШКА. Суперфосфатом? Я думал это удобрение.

ОЛЕГ. Так и есть. Но не только! Оказывается, если раствором суперфосфата пропитать дерево, оно не горит.

САШКА. Бесполезно. Все бесполезно!

ОЛЕГ. Почему?

САШКА. Нас здесь замуровали. Мы все погибнем!

ОЛЕГ. Откуда в тебе это упадничество, Сашка? Нельзя быть таким пессимистом! Идем!

САШКА. Куда ты меня тащишь, Олег?

ОЛЕГ. Хочу, чтобы ты тоже в пожарный отряд записался! Будем вместе дежурить, вместе зажигалки тушить!

САШКА. Надо было вовремя из города уезжать! И ведь была такая возможность!...

ОЛЕГ. Куда?

САШКА. Куда угодно! Сдохнем мы здесь!

ОЛЕГ. Между прочим, Академия продолжает работать. Никто никуда не уехал!

САШКА. Все сдохнем! Я не верю в победу!

ОЛЕГ. Замолчи! Я этого не слышал. И только попробуй еще раз так сказать! Ты же сам себя в гроб вгонишь! Своим настроением! Разве не знаешь сказку про двух лягушек, которые попали в горшок со сметаной? Одна сдалась и захлебнулась, а выжила та, что барахталась до конца! Надо барахтаться, Сашка! До конца.

САШКА. Ну, и барахтайся сам! Я человек, а не лягушка!

ОЛЕГ. Ну, и сиди здесь один! (*Уходит.*)

Затемнение.

АВТОР. Сашка умер от голода в конце ноября, самого голодного месяца блокады. С 1 октября нормы снизились до 400 грамм в день рабочим и 200 грамм служащим и иждивенцам. Все ждали увеличения нормы к празднику Октябрьской революции, но повышения не произошло. Многих это морально подкосило. Более того с 20 ноября норма снизилась до 250 грамм для работающих и 125 грамм

для иждивенцев и продержалась так почти месяц. «Сто двадцать пять блокадных грамм с огнём и кровью пополам», – написала об этом Ольга Бергольц в своей «Ленинградской поэме». (*Перебирает фотографии*). Вот фотография моей девятилетней мамы. На руках у нее годовалый двоюродный брат. Кто сфотографировал их в ту блокадную зиму? Не знаю. Теперь уже не у кого спросить...

Возникают очертания комнаты в ленинградской квартире. Окна плотно завешаны одеялами. В печке-буржуйке чуть теплится огонь. На кровати лежит Дуся, укрытая одеялами и пальто, только нос торчит. Утро. Фрося приносит тазик с водой.

ТОМОЧКА. Не буду умываться!

ФРОСЯ. Как это умываться не будешь? Почему?

ТОМОЧКА. Вода холодная. Я видела, в бидоне был лед.

ФРОСЯ. Так я воду вскипятила, кипяточку добавила.

ТОМОЧКА. Все равно холодная! Не буду!

ФРОСЯ. Так немытая и в школу пойдешь?

ТОМОЧКА. Так и пойду! Не понимаю, зачем вообще надо мыться! Вон тетя Дуся лежит и не моется!

ФРОСЯ. Тетя Дуся тебе не пример! Тетя Дуся – это наша беда. Болеет тетя Дуся...

ТОМОЧКА. Mamочка, ну сама посуди, кто увидит, мытая я, или немытая? Сидим в бомбоубежище в пальто, платками замотанные по самые уши.

ФРОСЯ (*вздыхает*). Ну, что я могу поделать, поступай, как знаешь. Не мойся. Значит, ты уважение к себе потеряла.

ТОМОЧКА. Почему это я потеряла уважение к себе?

ФРОСЯ. Потому. Не умыться по утрам, значит не уважать себя. А если ты себя уважать перестанешь, то и никто тебя уважать не будет... Врагам только этого и нужно! Они хотят, чтобы мы опустили руки и перестали двигаться, мыться, выходить из дому.

ТОМОЧКА. Как тетя Дуся?

ФРОСЯ (*вздыхает*). Как тетя Дуся... Мы не будем ее осуждать, Томочка. Но и пример с нее брать не будем. Иначе враги возьмут нас голыми руками!

ТОМОЧКА (*трогает воду в тазу*). Холодная...

ФРОСЯ. А какие у вас уроки сегодня?

ТОМОЧКА. Первым уроком родная речь. Учительница сказала, будет очень важный урок. Мы будем читать Пушкина. Сказку о мертвой царевне! Только ты до войны мне ее уже читала! Помнишь? (*Декламирует.*) «В той норе, во тьме печальной гроб качается хрустальный!»

ФРОСЯ. Ну, одевайся, пора.

ТОМОЧКА. погоди, мамочка... Ты полей мне из кружки. Я умоюсь.

Затемнение.

АВТОР (*раскладывает фотографии*). Это единственная блокадная фотография, на которой запечатлен мой отец. Вот он стоит справа во втором ряду на фоне здания хлебозавода.

На Левашовский хлебозавод отец пошел работать в конце ноября. Жили он тогда с мамой на Пушкинской улице, добраться до завода было недалеко.

Возникают очертания комнаты в ленинградской квартире. Топится буржуйка. Рядом с ней лежит разломанный стул. В комнате Олег и его мать.

МАТЬ. Скажи честно, Олег, хоть что-то поесть на заводе удастся?

ОЛЕГ. О чем ты, мама?! Я разве вор? Нам ничего не положено.

МАТЬ. Зачем воровать? Хлебные крошки могут упасть на пол. Разве нельзя подобрать?

ОЛЕГ. Никто и крошки хлеба не берет! Ничего пропасть не должно! Ты не понимаешь, мама, в производство все идет, даже пыль. Мешки, в которых мука была, тщательно выбиваем. Стены обметаем, на них тоже может мучная пыль осесть. На прошлой неделе полы вскрывали – там столько хлебной пыли скопилось! Все в производство пошло.

МАТЬ ОЛЕГА. Вот как... А я размечталась, что хоть тебе немного полегче будет...

ОЛЕГ. Когда работаешь, некогда о себе думать. Прошлой ночью на заводе пекарь умер. Данила Иванович. От голода умер прямо возле печи. Хлеб из печи достал – и умер.

Пекарям хуже всех приходится, они от печей не отходят даже во время бомбежки. Двоих уже осколками ранило, один погиб. Теперь вот Данила Иванович...

МАТЬ ОЛЕГА. Боже ты мой! А как же ты?

ОЛЕГ. Я у печей не стою. Я на погрузке. Мешки таскаю в цех. Нас четверо грузчиков. А вчера нас послали старые деревянные дома разбирать на дрова. Печи ведь чем-то топить надо. Все хорошо, вот только когда хлеб из печей достают, такой запах, что можно с ума сойти! Я не знал, что хлеб так волшебным пахнет! Это пытка! Сознание можно потерять! Ты не волнуйся за меня, мама! Я не сдамся, как Сашка! Я выживу. И ты выживешь. Мы с тобой выживем!

Затемнение.

АВТОР. Левашовский хлебозавод, что на Барочной улице, в 90-е годы закрыли. Говорят, в его здании будет музей. А в годы войны он работал на полную мощность. Все три его производственные линии реконструировали под выпуск формового ржаного хлеба. Выпечка хлеба приравнивалось тогда к производству снарядов.

Возникают очертания комнаты в ленинградской квартире. Входит Олег. Одежда вся в снегу. Олег скидывает пальто, садится на оттоманку и пытается снять сапоги.

МАТЬ. Давай помогу. (*Помогает Олегу снять сапоги, ставит их у печки.*) Сапоги обледенели все. И пальто... Ты что же, в воду провалился?

ОЛЕГ. Я укурюсь... (*Укрывается одеялами, дрожит.*) Мама, сделай мне кипяточку. Согреться надо...

МАТЬ. Что случилось, Олежка? Ты где так промок?

ОЛЕГ. Понимаешь, сегодня на хлебозавод привезли муку.

МАТЬ (*хлопочет у буржуйки*). И что же?

ОЛЕГ. Как что? Это целое событие! Мешки трехпудовые и все покрыты слоем льда. Мы вчетвером волокли их по полу. На складе женщины рассекали мешки топорами. Под ледяной коркой – сухая мука. Они совками бросали ее на сита. Ты представляешь, после просева чего только не осталось на решетках! Пули, осколки снарядов и даже куски шинельного сукна. Запекшаяся кровь на них.

МАТЬ. Значит, люди за эту муку не щадили жизни.

ОЛЕГ. Ясное дело. Мука – это хлеб, а хлеб – это наша победа. Но чтобы выпечь хлеб, его сначала надо замесить. Нужна вода. И тут оказалось, что резиновый рукав, по которому гнали воду из Невы, промерз насквозь и ломается, как стеклянный. Ведь сегодня мороз минус тридцать!

МАТЬ. И где же вы взяли воду?

ОЛЕГ. Мы придумали! Решили встать живой цепью и передавать ведра с водой от проруби в Неве. Представляешь, воды требовалось около тысяч ведер! Я ближе к Неве стоял в цепи. Как ни старайся, вода все равно расплескивается. У нас обледенели все. Но больше всех Лида, наш комсорг! *(Смеется.)*

МАТЬ. Чему ты смеешься?

ОЛЕГ. Она маленькая, мне по грудь, а встала на самый ответственный участок: последней принимала ведро и сливала воду в лоток. Ведро высоко приходилось поднимать, на уровень груди, вот и промокла насквозь. Когда мы пришли в цех, Лида стоит и плачет, с места двинуться не может. Оказалось, валенки ее вмерзли в лед. Пришлось топорами рубить лед! *(Смеется.)* Потом мы на руках отнесли Лиду в цех...

МАТЬ (*подает кружку с кипятком*). Возьми, выпей. Поможет согреться.

ОЛЕГ. Спасибо мама...

Затемнение.

Комната в другой ленинградской квартире. На кровати лежит Дуся, укрытая одеялами, всхлипывает. Томочка возле буржуйки держит годовалого Юрочку на руках. Младенец еле слышно плачет.

ТОМОЧКА (*баюкает*). А-а, а-а... Поспи, Юрочка! Что же ты не спишь? Хочешь я тебе потешные стишки прочитаю? Ехали медведи на велосипеде, а за ними кот задом наперед, а за ним комарики на воздушном шарике, едут и смеются... Про пряники нельзя! От этого есть еще больше хочется... (*Женщине, лежащей на кровати.*) Он плачет, тетя Дуся, что делать? (*Ответа нет, слышно только невнятное бормотание.*)

Входит Фрося. Ставит на пол ведро с водой. Развязывает платок.

ФРОСЯ. Едва дошли. Вместе с Катей из пятого номера за водой ходили. У нее отец вчера умер. Решили не хоронить. В

морг отнесли, что в соседнем дворе. А там уже трупов выше человеческого роста. Когда увезут?..

ТОМОЧКА. Завтра я за водой пойду, мама.

ФРОСЯ. Слышишь, Дуся? Томочка собралась за водой идти! А что же ты? *(В ответ невнятное бормотание.)* Нельзя так распускать себя, Дуся! Нельзя целыми днями лежать и плакать! Вставай! Ты бы хоть Юрочку своего понянчила, а то он все время у Томочки на руках! *(Ответа нет.)* Эх, Дуся!.. Работать надо тебе идти! На карточку бы вдвое больше хлеба получала!

ТОМОЧКА. Юрочка уснул, мама.

ФРОСЯ. Дай, уложу его. *(Мать забирает у Томочки младенца и укладывает его на соседней кровати, укрывает одеялами.)* Чем будем Юрочку кормить? Запас крупы, что мы с тобой в деревню взять собирались, закончился. Не экономно крупу тратили. Ничего не осталось... Кто же знал, что норму по карточкам снизят? Я банку с клеем нашла, слышишь? В банке столярный клей засох, которым папа в прошлом году стул подклеивал. Надо будет суп из него сварить.

ТОМОЧКА. Как же мы будем клей есть?

ФРОСЯ. Как все, так и мы... Катя меня научила, как надо сделать... Присолим немножко. Соль у нас еще есть. Вот только не знаю, можно ли будет дать Юрочке. Не навредит ему? (*Подходит к кровати, поправляет одеяло, которым укрыт младенец. Шепчет.*) Остыл...

ТОМОЧКА. Как это остыл?

ФРОСЯ (*берет младенца на руки*). Умер... Слышишь, Дуся? Юрочка умер... (*Раздаются всхлипывания Дуси.*) Не поднимешься даже теперь?..

ТОМОЧКА (*всхлипывает*). Что мы теперь будем делать?

ФРОСЯ. Похороним.

ТОМОЧКА. В морг отнесем на улицу Чайковского?

ФРОСЯ. На Богословском похороним, как дедушку. Завтра пойдем хоронить.

ТОМОЧКА. Далеко туда... Мороз, мама... Ветер...

ФРОСЯ. Доведем. Уж как-нибудь вдвоем на саночках доведем. Дедушку ведь как-то довели. Нельзя иначе, не полюдски. А Юрочка и не весит ничего...

Затемнение.

АВТОР. В комнате на Съезженской, где жила семья отца, была печь. Топить ее было не чем. Чтобы растопить печь, нужно много дров. Бабушка раздобыла буржуйку. Буржуйка не требовала столько дров, но и тепла от нее было мало: руки погреть да воду вскипятить...

«Мы книг в блокаду все-таки не жгли. Рука не поднималась. Не могли», – написал после войны поэт Илья Фоняко. Его стихотворение мне велели выучить в школе. Услышав эти строки, бабушка вздохнула: «Значит, где-то они дрова доставали. Мы-то почти все сожгли...» Первыми пошли в расход запасы газет, затем школьные учебники отца, которых накопилось немало...

Возникают очертания комнаты в ленинградской квартире. Олег рассматривает корешки на книжной полке. Слышно, как где-то не переставая воет собака. Входит мать Олега.

МАТЬ. Олег, даже не думай! Эфрона и Брокгауза мы не сожжем! Что можно было сжечь из книг, мы уже сожгли. Только Эфрон и остался...

ОЛЕГ. Я и не думал жечь. Я думаю, его можно продать. Написать объявление?

МАТЬ. Много ли выручишь? Если только обменять. Сколько за Эфрона хлеба дадут? Буханку?

ОЛЕГ. Не знаю. Вряд ли...

МАТЬ. Тогда пусть стоит. (Открывает ключом ящик комода, достает из него сверток, разворачивает.) Вот. Кольцо с аметистом. Попробуй на хлеб обменять.

ОЛЕГ (*заглядывает в ящик*). А это что? Что за папка?

МАТЬ. Архив. Справки, письма. Это мы тоже не можем сжечь. (*Закрывает ящик*).

ОЛЕГ. Чего же так воеет собака? С самого утра! Я думал, в городе вообще не осталось собак...

МАТЬ. Это Дэйзи, английский сеттер. Собака Евгения Абрамовича из соседнего подъезда. Удивительные люди. Они с Ольгой Моисеевной половину хлебной пайки ему отдают. Их сын в финскую кампанию погиб, это его собака была.

ОЛЕГ. Невероятно! Они собаку хлебом кормят?

МАТЬ. Кормили. Я вчера возле булочной Евгения Абрамовича встретила. Ольга Моисеевна умерла. Дэйзи воспитанный был, никогда ничего со стола не брал, а тут хлеб

сташил. Они целый день ничего не ели. Ольга Моисеевна уже давно из дому не выходила, а он-то работать продолжал. У него и рабочая карточка была. Видно, Евгений Абрамович тоже умер, раз Дэйзи воет. Один в запертой квартире остался.

ОЛЕГ. Что теперь делать?

МАТЬ. Ничего не сделаешь. Дверь в квартиру вскрывать надо. Завтра в жилконторе скажу...

(Собачий вой стихает)

ОЛЕГ. Перестал выть.

МАТЬ. Значит, умер...

Затемнение.

АВТОР (*перекладывает фотографии*). На этой фотографии Юрочка на руках у тети Дуси. Это снято перед самой войной. Юрочка похоронен на Богословском кладбище. Мама и бабушка отвезли его туда на саночках. От Манежного переуллка, где они жили в блокаду, до кладбища семь километров. По Литейному через мост, по улице Комсомола, Арсенальной и дальше по Кондратьевскому до упора. Летом я прошел этот путь за час сорок. Они шли зимой по не расчищенным улицам четыре часа. И столько же обратно.

Возникают очертания Литейного проспекта в Ленинграде. Томочка и Фрося идут по проспекту, везут пустые саночки. Из громкоговорителя доносится мерный звук метронома.

ТОМОЧКА. Постоим, мама. Ноги замерзли, не идут.

ФРОСЯ. Лучше идти, Томочка. Постоим – совсем идти не сможем.

ТОМОЧКА. Мы немножко.

ФРОСЯ. Хорошо. Только совсем немножко. (*Смотрит в небо.*) Небо какое звездное. Значит, не спадет мороз. Вот беда!

ТОМОЧКА. Мама, я тоже умру?

ФРОСЯ. Что ты такое говоришь! Нет, конечно! Осталось чуть-чуть потерпеть. Я слышала, скоро откроют зимнюю дорогу по ладожскому льду, будут хлеб нам возить.

ТОМОЧКА. Точно откроют?

ФРОСЯ. Откроют... Нам бы только до весны дотянуть. Это совсем недолго. Весной норму хлеба увеличат, капусту посадим в скверике у церкви, будем капустные щи варить. Сытые будем...

ТОМОЧКА. Правда, мама?

ФРОСЯ. Зачем же мне тебя обманывать, Томочка?.. Все так и будет.

ТОМОЧКА. А летом в деревню поедем?

МАТЬ. Этого я тебе обещать не могу... Передохнула? Тогда пошли...

Звук метронома учащается.

ТОМОЧКА. Ну вот, началось!

Голос диктора объявляет: «Говорит штаб местной противовоздушной обороны. Воздушная тревога. Воздушная тревога».

ТОМОЧКА. Бежим?

ФРОСЯ. Нормальным шагом пойдем. Нас каждый день бомбят, и что же мы будем всякий раз дрожать от страха?! Не дождётся, гады! (*Грозит кулаком в небо.*)

ТОМОЧКА (*смотрит в небо*). Зажигалки посыпались...

Свистят «зажигалки». Томочка и мать медленно идут по проспекту.

Затемнение.

АВТОР. В блокадной кинохронике часто можно увидеть, как люди идут по улицам, а на земле лежат трупы. К смерти привыкли, к ней равнодушны. Вот на санях повезли запеленатый труп. Словно древнеегипетскую мумию. Изумляют лица людей. Как описать эти лица? Равнодушные? Скорбные? Бесстрастные? Нет! Ни то, ни другое, ни третье. Чтобы выжить, необходимо мобилизовать все ресурсы. Эти лица – самоуглубленные и сосредоточенные. Так сосредоточен был Христос, поднимавшийся на Голгофу.

Однажды мне приснился сон. Я видел блокадный город. Я побывал в нем. Я видел людей с бидонами и ведерками, черпающих воду из проруби в Неве. Видел процессию запеленатых тел. Я смотрел на них из будущего. Люди были немые. Сквозь запотевшее стекло времени я видел их глаза. Бездонные глаза. И вдруг я понял, что это вовсе не стекло, а мутный невский лед, сквозь толщу которого я вижу погребенные в нем навеки их лица. Прекрасные лица!

Звучит скорбная музыка. Возникают очертания блокадного Ленинграда. Вереницей проходят люди осажденного города.

*Их цепочка кажется бесконечной. Среди этих людей
Томочка и Фрося.*

ТОМОЧКА. Я знаю, мама, как выглядит смерть. А ты? Вчера на улице видела старика, а у него лицо жуткое, синее...

ФРОСЯ. Это и называют печатью смерти на лице...

ТОМОЧКА. Я отвернулась. Мимо прошла. Потом все-таки оглянулась. Старик на тумбу сел. Глаза закатились. И он медленно съехал на землю. Он умер у меня на глазах...

ФРОСЯ. Ты испугалась?

ТОМОЧКА. Нет, мамочка, не испугалась. Я не боюсь смерти
...

Томочка и Фрося сливаются с толпой ленинградцев.

Затемнение.

АВТОР. Немногочисленны их воспоминания. Упущено время – и некого спросить, как удалось им пережить самую тяжелую блокадную зиму? Возможно, они бы и не сумели ответить на этот вопрос. Да и не любили они об этом вспоминать. Но пережили. Пережили!

И вот уже весна. Апрель. Весна – как новая жизнь. Закончилась самая тяжелая блокадная зима. Даже тетя Дуся стала изредка вставать. Однажды даже вышла на улицу. После школьных занятий мама не торопилась домой, она садилась возле дома прямо на булыжной мостовой и тихо играла сама с собой. Если начинался артобстрел, она не двигалась с места, словно не слышала воя вражеских самолетов и сигналов воздушной тревоги. Во что она играла? Я спрашивал, но она не могла вспомнить. Бабушка, вернувшись с работы, часто заставляла ее сидящей на мостовой возле дома. Но однажды, вернувшись, не нашла ее.

Возникают очертания ленинградской улицы с булыжной мостовой.

ФРОСЯ (*идет по улице, зовет*). Томочка! Вы не видели Томочку?

СОСЕДКА. Может, домой пошла?

ФРОСЯ. Дома была. Нет ее дома! В школу сбежать? Уж не случилось ли чего?

СОСЕДКА. Я после школы ее видела. Сидела, как обычно, фантики бумажные на камнях раскладывала.

ФРОСЯ. Так где же она? Куда подевалась?

СОСЕДКА. Может, в церковь зашла?

ФРОСЯ. В церковь? Мы в церковь с ней никогда не ходили...

Затемнение

АВТОР. Спасо-Преображенский собор был рядом с домом. Этот единственный в городе храм, который ни на день не закрывался в советское время. Всю блокаду в нем тоже шли службы. А в подвале собора располагалось бомбоубежище.

Возникают очертания иконостаса. Томочка стоит у иконы Божьей Матери и внимательно вглядывается в нее. К ней подходит мать.

ФРОСЯ. Вот ты где! А я тебя обыскала! Нельзя, так поступать, Томочка!

СВЯЩЕННИК (*подходит*). Не ругайте ее. Пришла она сюда по наитию, Бог ее привел.

ФРОСЯ. Так я и не ругаю...

СВЯЩЕННИК. Как девочку зовут?

ФРОСЯ. Тамара. Томочка.

СВЯЩЕННИК. Я вас с Томочкой в бомбоубежище виде пару раз, а вот в храме – ни разу.

ФРОСЯ. Так мы... мы и не ходим в храм...

СВЯЩЕННИК. Жаль... А девочка ваша пришла. Значит, запала в нее искра Божья. Я так и звать ее буду теперь – Искра Божья. *(Томочке.)* Если захочешь что-то спросить, подходи, спрашивай, не стесняйся. *(Отходит.)*

ТОМОЧКА *(смотрит на икону Богородицы)*. Какая красивая!

ФРОСЯ. Пойдем домой, Томочка?

ТОМОЧКА. Постоим еще немножко. Это Богородица?

ФРОСЯ. Богородица.

ТОМОЧКА. Я у Богородицы попрошу, чтобы война скорее закончилась, чтобы тетя Дуся не болела, а папа живой вернулся... Как у Богородицы надо попросить?

ФРОСЯ. Как чувствуешь, так и проси...

Затемнение.

АВТОР. Ближе к лету отец наострился ловить рыбу на Крестовском острове близ стадиона имени Кирова. Этого стадиона, увы, уже не существует. На его месте красуется похожая на летающую тарелку Газпром Арена.

Возникают очертания невского берега. Олег и парень помладше стоят у края воды. У парня удочка. У Олега удочка и сачок.

ПАРЕНЬ. Отойди! Всю рыбу распугаешь!

ОЛЕГ. На что ловишь?

ПАРЕНЬ. Не скажу!

ОЛЕГ. Я на поденку. На жучков.

ПАРЕНЬ. Я на мормышку.

ОЛЕГ. На какую еще мормышку?

ПАРЕНЬ. На такую! Красную нитку к крючку привязал!

ОЛЕГ. И много наловил?

ПАРЕНЬ. Ничего... Я первый раз.

ОЛЕГ. Так учись. *(Берет сачок, ловит им мелкую рыбешку)*

ПАРЕНЬ. У меня тоже сачок дома есть.

ОЛЕГ. Смотри, сколько мелочи. (*Поддевает рыбку сачком*)

ПАРЕНЬ. Дай поближе разгляжу. (*Достает рыбку из сачка, хочет ее съесть*).

ОЛЕГ. Не тяни в рот, поранишься!

ПАРЕНЬ. С чего это?

ОЛЕГ. Она колючая.

ПАРЕНЬ. Действительно колется!

ОЛЕГ. Еще бы! Она так и называется – колюшка.

ПАРЕНЬ. А как же ты ее ешь?

ОЛЕГ. Мать в мясорубке прокручивает. Потом жарит. Почти как рыбные котлеты получается...

Затемнение.

АВТОР. Маленькая рыбка, не больше четырех сантиметров в длину. На спине три колючки. Всегда считалась сорной. В Кронштадте на западной стене Обводного канала возле Синего моста установили памятник колюшке. Три маленькие

бронзовые рыбки качаются на металлических волнах. В дни блокады сорная рыбка колюшка многим спасла жизнь.

Возникают очертания комнаты в ленинградской квартире. Томочка достает из нижней части буфета иконы, завернутые в белую материю.

ФРОСЯ. Зачем ты иконы достала?

ТОМОЧКА. Посмотреть. *(Разворачивает икону.)* Это что за икона?

ФРОСЯ. Спас Вседержитель.

ТОМОЧКА *(разворачивает другую икону)*. Эти дяденьки кто?

ФРОСЯ. Это Петр и Павел.

ТОМОЧКА. Зачем ты их в буфете прячешь?

ФРОСЯ. Не те были времена, чтобы иконы в комнате держать. Вот ты пионерка. А если бы учительница узнала, что у нас иконы висят? Она бы ругать меня стала.

ТОМОЧКА. Я не скажу.

ФРОСЯ. Знаю, что не скажешь. Ты взрослая уже. Но иконы лучше уберем от греха подальше...

ТОМОЧКА. Ты веришь в Бога мама?

ФРОСЯ. Человеку надо во что-то верить...

ТОМОЧКА. Ты прямо скажи!

ФРОСЯ. Я верю в Бога. В Победу верю. А вот в коммунизм... Честно тебе скажу, не очень мне в него верится. Ты только в школе об этом не вздумай рассказывать!

Затемнение.

АВТОР. Эти иконы так и хранились у бабушки в буфете за банками с крупами и мешочком с белыми сухарями, где однажды в детстве я их случайно обнаружил. После ее смерти мама мне рассказала, что эти несколько икон, бабушка забрала с собой, когда они вместе с дедом бежали от раскулачивания из деревни. Как и бабушка, мама хранила их в шкафу завернутыми в тряпочку. После маминой смерти я отнес их в церковь.

Возникают очертания комнаты в ленинградской квартире. Окна раскрыты, светит солнце. Мать Олега в бархатном вечернем платье стоит у зеркала. Входит Олег.

ОЛЕГ. Ух ты! Давно ты не надевала это платье.

МАТЬ. Висит оно на мне. Но если с этим пояском... Как ты думаешь?

ОЛЕГ. Куда это ты собралась?

МАТЬ. В филармонию. Сегодня премьера симфонии Шостаковича.

ОЛЕГ. У тебя есть билет?!

МАТЬ. Нет. Обещали достать...

ОЛЕГ. И что?

МАТЬ. Двойная пайка хлеба и баночка керосина в придачу...

ОЛЕГ. Ого!

МАТЬ. Где же я им хлеб и керосин возьму? Я им Эфрона и Брокгауза предложила.

ОЛЕГ. Да ну! Не захотели?

МАТЬ. Может, и к лучшему... Шостаковича мы по радио слушаем. А платье я все равно решила надеть.

ОЛЕГ. Чтобы радио слушать?

МАТЬ. А что? Скоро ли еще попаду на концерт? Садись. Сейчас начнется трансляция. Интересно, там в зале и люстру зажгут?

ОЛЕГ. А как же!

(Олег и мать садятся на стулья напротив тарелки радио.)

МАТЬ. А ты не хочешь белую рубашку надеть, Олег?

ОЛЕГ. Не успею уже.

Звучит голос диктора. «Исполнение Седьмой симфонии в осажденном Ленинграде – свидетельство неистребимого патриотического духа ленинградцев, их стойкости, их веры в победу. Слушайте, товарищи!»

Вдалеке раздается звук вражеских самолетов, вой воздушной сирены.

ОЛЕГ. Гады! Именно сейчас им надо бомбить!

МАТЬ. Этого стоило ожидать. Ничего, ничего! Исполнение не прервут! Я в этом уверена!

По радио звучит 7-я Симфония Шостаковича.

Затемнение.

Часть вторая

АВТОР. Седьмая симфония Шостаковича прозвучала в Ленинграде 9 августа 1942 года. Этот день был выбран не случайно. К этому дню фашисты намеревались захватить город и даже заготовили пригласительные билеты на банкет в ресторане гостиницы «Астория». Они просчитались! Симфонию услышали не только жители города, но и осаждавшие Ленинград немецкие войска. «Тогда, 9 августа 1942 года, мы поняли, что проиграем войну», – вспоминал один из воевавших под Ленинградом немецких солдат. Вскоре отцу исполнилось восемнадцать, и он ушел на фронт. На Ленинградский фронт, где воевал его отец – дед Константин. Отец попал в часть, воевавшую в районе «Невского пяточка». *(Разворачивает вклеенную в книгу карту.)* Этот участок фронта, а точнее клочок земли на левом берегу в излучине Невы в районе Невской Дубровки, занимает особое место в истории Битвы за Ленинград. Здесь шли самые кровопролитные бои, неоднократно отсюда наши войска начинали наступление на Мгу и Синявино с целью прорвать блокаду Ленинграда. Отец попал в саперный батальон. *(Читает по книге.)* «В светлое время суток ни одна лодка не отважилась бы пересечь расстояние в полкилометра

от одного берега до другого», – вспоминал один из участников тех событий, – Когда наступала ночь, над Невой роились вражеские ракеты, выхватывая из темноты скелеты понтонов, шлюпок, катеров...» В одну из таких ночей, лодка, в которой находился отец, перевернулась, и все оказались в ледяной невской воде. Отцу посчастливилось выплыть.

Возникают очертания фронтовой земляка. На веревках развешана военная форма. Закипает самовар. Олег сидит, завернувшись в шинель.

ПОЖИЛОЙ СОЛДАТ. Ты везучий, парень! Доплыть до берега в ледяной воде... Бог спас. Будешь в церкви – свечку поставь за свое спасение. Или ты в Бога не веруешь? Что молчишь? Некрещеный, небось?

ОЛЕГ. Я комсомолец.

ПОЖИЛОЙ СОЛДАТ. Комсомольцу тоже не вредно крестится.

МОЛОДОЙ СОЛДАТ. Не слушай ты его! На вот, выпей!
(Протягивает кружку.)

ОЛЕГ. Что это?

МОЛОДОЙ СОЛДАТ. Лекарство. Горьковато, правда, но надо потерпеть. Сделай вдох, целиком в себя влей, а затем сделай выдох. Потом водой запьешь.

Олег берет кружку, выдыхает, залпом выпивает содержимое и долго не может откашляться.

МОЛОДОЙ СОЛДАТ (посмеивается). Что, глаза на лоб вылезли?

ПОЖИЛОЙ СОЛДАТ. Водой скорее запей! (*Протягивает кружку с водой.*) Ну как?

ОЛЕГ. Глаза в кучку сводит.

ПОЖИЛОЙ СОЛДАТ. Зато воспаления легких не будет.

ОЛЕГ. Что это было?

МОЛОДОЙ СОЛДАТ. Так спирт же.

ОЛЕГ. Предупреждать надо.

МОЛОДОЙ СОЛДАТ. Ты вправду не понял? И спирта что ли на вкус никогда не пробовал?

ОЛЕГ. Никогда. На сахар обменивал...

ПОЖИЛОЙ СОЛДАТ. Ты вон свои законные 50 грамм на сахар менял, а видишь, как они иногда пригодиться могут!

МОЛОДОЙ СОЛДАТ. Закуришь? *(Протягивает свою раскуренную самокрутку).*

ОЛЕГ. Закурю. *(Берет самокрутку, затягивается и снова закашливается).*

МОЛОДОЙ СОЛДАТ. И не курил никогда, что ли?

ОЛЕГ. Никогда...

МОЛОДОЙ СОЛДАТ. Тогда считай, что сегодня у тебя произошло полное боевое крещение!

ОЛЕГ. Что-то в сон меня клонит. Голова не держится на плечах.

ПОЖИЛОЙ СОЛДАТ. Поспи, сынок. Сон хорошо лечит. *(Молодому солдату).* Укрой-ка его получше.

Затемнение.

АВТОР. Операция «Искра» по прорыву блокады Ленинграда началась 12 января 1943 года. До этого Красная армия дважды пыталась освободить так называемый

«шлиссельбургско-синявинский выступ», где расстояние между Ленинградским и Волховским фронтами составляло не более 12-16 км. (*Склоняется над картой*). Вот он на карте этот кусок земли, занятый фашистами, за освобождение которого было отдано столько жизней!

Возникают очертания землянки. Олег сидит на пеньке неподалеку от нее.

МАЙОР. Товарищ рядовой, подойдите ко мне!

ОЛЕГ (*вскакивает*). Слушаю вас, товарищ майор.

МАЙОР. Как тебя зовут, дай вспомнить... Олег?

ОЛЕГ. Так точно!

МАЙОР. Сам ленинградец?

ОЛЕГ. Так точно, товарищ майор.

МАЙОР. Ну. вот что, Олег... Давай без этого, без субординации, что ли... Вот... (*Достает из кармана письмо*).

ОЛЕГ. От кого письмо?

МАЙОР. Не от кого-кому... Сыну. Тебе сколько лет?

ОЛЕГ. Восемнадцать.

МАЙОР. Ему двенадцать. Он там, в блокадном городе...

ОЛЕГ. Понятно...

МАЙОР. Ничего тебе не понятно. Ты дослушай. Сегодня в ночь я иду на задание. Подробности рассказать не могу, сам понимаешь. Но живым я с задания не вернусь...

ОЛЕГ. Ну что вы, товарищ майор...

МАЙОР. Не перебивай. Есть у меня такое предчувствие. Так вот, я написал сыну письмо. Отправить хотел. Потом передумал.

ОЛЕГ. Я, кажется, понял.

МАЙОР. Правильно понял. Ты был там. Ты знаешь, как там тяжело. Только не перебивай, и без того говорить трудно. Ты ведь и сам не на много старше моего Лешки... Сына Лешкой зовут.

ОЛЕГ. Понятно...

МАЙОР. Держи. *(Протягивает Олегу письмо)*. Отправишь письмо, если я не вернусь.

ОЛЕГ (*берет письмо*). Я уверен, что вернетесь!

МАЙОР. Меня предчувствие редко обманывает. И знаешь что, Олег, ты тоже прочти это письмо. Считаю, оно и тебе адресовано.

ОЛЕГ. Вернетесь вы с задания, товарищ майор!

МАЙОР. Прощай... (*Уходит*).

Затемнение.

АВТОР. Майор не вернулся. А через несколько дней в полдень 18 января, после ожесточенных боев части Ленинградского и Волховского фронтов соединились в районе Рабочего поселка № 5, сухопутная связь Ленинграда с Большой землей была восстановлена. Отец этого уже не застал, за две недели до этого он был контужен и ранен во время боев за Шлиссельбург. О прорыве блокады он узнал в госпитале. (*Берет книгу, читает*).

Из приказа Военного совета Ленинградского фронта. В итоге боев решена задача исторической важности: город Ленинград полностью освобожден от вражеской блокады и от варварских артиллерийских обстрелов противника... Доблестные войны Ленинградского фронта разгромили

противника и отбросили его по всему фронту на 65-100 километров. В ожесточенных боях взяты Красное Село, Ропша, Урицк, Пушкин, Павловск, Ульяновка, Гатчина...» В этот день, 27 января 1944 года в Ленинграде прогремел салют в 24 залпа из 324 орудий.

Возникают очертания ленинградской улицы, по ней идут Томочка и Фрося. К ним подбегает незнакомая женщина, обнимает Фрося.

ЖЕНЩИНА. Ой, милая вы моя! Прорвали блокадное кольцо! Конец блокаде! Мы победили!

ФРОСЯ. Что же вы плачете, женщина?

ЖЕНЩИНА. Сама не знаю. От радости!

ФРОСЯ (*обнимает Томочку*). Конец нашим мучения, Томочка!

ЖЕНЩИНА. А скоро уже и войне конец!

ТОМОЧКА. Война закончится? Да?

ФРОСЯ. Закончится, Томочка! Чуть-чуть подождать!

ТОМОЧКА. Чего же ты плачешь?

ФРОСЯ. А ты чего плачешь?

ЖЕНЩИНА. Все плачут. Все с ума посходили! Никогда такого не видела! Дайте я вас обниму! (*Обнимает и целует Томочку*).

ФРОСЯ. А бегут все куда?

ЖЕНЩИНА. На Марсово поле! Там салют будет. Там сегодня весь день гулянье!

ФРОСЯ. Что же мы стоим? Бежимте!

ТОМОЧКА. Скорее, мамочка, бежим!

Слышны залпы праздничного салюта.

Затемнение.

Возникают очертания больничной палаты военного госпиталя. Олег и его новый друг Толик сидят на кроватях. У Толика в руках гитара. Олег что-то рисует карандашом в блокноте.

ТОЛИК. Ну вот, там праздник, салют – а мы тут сидим... Хорошо хоть гитара нашлась. С песней как-то веселее.

ОЛЕГ. Ты на гитаре учился, Толик?

ТОЛИК. Какое там! Парни во дворе три аккорда показали. Оказывается любую песню можно сыграть на трех блатных. *(Наигрывает на гитаре и поет).*

Давно ты не видел подружку,
Дорогу к знакомым местам,
Налей же в солдатскую кружку,
Свои боевые сто грамм.
Гитару возьми, струну подтяни,
Солдатскую песню запой,
О доме своем, о времени том,
Когда мы вернемся домой.

ОЛЕГ. Здорово! Научишь меня? Я давно хотел на гитаре научиться.

ТОЛИК. Учится нечему. Я за две недели освоил.

ОЛЕГ. Чем будешь заниматься после войны?

ТОЛИК. На завод вернусь. А ты?

ОЛЕГ. Я школу художественную закончил при Академии художеств. Хотел в Академию поступать. Война все планы сбילה. Может, и мне на завод пойти?

ТОЛИК. Не, лучше учиться. Чего ты в блокноте рисуешь?

ОЛЕГ. Так... Можешь посмотреть. (*Протягивает блокнот*).

ТОЛИК. О! Так это ж я! С гитарой! И похож. Тебе точно учиться надо!

ТОЛИК. Можешь мне этот рисунок подарить?

ОЛЕГ (*вырывает листок из блокнота*). Держи!

ТОЛИК. Я жене его пошлю. И про тебя напишу.

ОЛЕГ. Ты женат?

ТОЛИК. Даже почувствовать себя женатым человеком не успел, как началась война. Она на учительницу в Герценовском училась. Их вместе с институтом эвакуировали в Кыштым.

ОЛЕГ. Это где же?

ТОЛИК. Ох, далеко! На Урале...

ОЛЕГ. Не грусти. Праздник сегодня. Спой еще что-нибудь.

ТОЛИК (*берет гитару, играет и поет*).

Все хорошо, прекрасная маркиза,

Дела идут и жизнь легка...

Затемнение.

АВТОР. Из госпиталя отец и Толик выписались в один день. Более того, их обоих отправили в военное расположение под Ропшей. Письмо майора лежало у отца в кармане гимнастерки. Он решил вручить его лично.

Возникают очертания ленинградской улицы. Олег стоит возле разрушенного во время бомбежки дома. Мимо проходит девушка-почтальон с сумкой через плечо. Олег останавливает ее.

ОЛЕГ. Скажите, это дом номер семь?

ДЕВУШКА. Все, что от него осталось.

ОЛЕГ. Точно семерка?

ДЕВУШКА. Точно, вам говорю! Я тут все дома знаю. Почту разношу.

ОЛЕГ. Вы почтальонша?

ДЕВУШКА. Почтальон! Еще до войны на почте работала. Вот как было раньше, звонишь в дверь, тебе открывают, и ты говоришь: «Вам письмо. Пляшите!» А сейчас разве скажешь «пляшите»? В основном похоронки приходят.

ОЛЕГ. Я вот тоже письмо с фронта передать должен.

ДЕВУШКА. Кому-то повезло! Вы не забудьте сказать: «Вам письмо. Пляшите!»

ОЛЕГ. Нельзя. Это тоже вроде как похоронка.

ДЕВУШКА. Как это похоронка? Вы ж говорили – письмо!

ОЛЕГ. Да вот только того, кто писал это письмо, уже нет.

ДЕВУШКА. Погиб?

ОЛЕГ. С задания не вернулся.

ДЕВУШКА. Вот оно что... Адрес какой?

ОЛЕГ. Дом 7, квартира 11. (*Указывает на разрушенный дом.*)
Это действительно дом номер семь.

ДЕВУШКА. Действительно. А письмо кому? Я многих из этого дома знала.

ОЛЕГ (*достает письмо, читает*). Гамзелеву Алексею.

ДЕВУШКА. Знаю. Мать его знаю, тетю Лиду. Она до войны в нашей школе библиотекаршей работала. Муж у нее военный. Только она умерла еще в декабре...

ОЛЕГ. А сын?

ДЕВУШКА. Забрали... Вроде как его на Большую землю эвакуировали... А вы давайте письмо, я на почту отнесу. У нас много таких писем, чьи адресаты выбыли...

ОЛЕГ. Хорошо. Только сначала я должен его прочесть.

ДЕВУШКА. Чужое письмо?

ОТЕЦ. Майор велел мне прочесть, если с задания не вернется.

ДЕВУШКА. Какой майор?

ОТЕЦ. Гамзелев. Отец Лешки. Я думал, вместе с Лешкой его и прочтем...

ДЕВУШКА. Ну тогда что ж... Читайте.

Затемнение.

АВТОР. Дошло это письмо до адресата, или нет, неизвестно. Но содержание его отец мне пересказал.

В луче прожектора – Майор.

МАЙОР. Ну вот, мой сын, мы больше не увидимся. Если ты получишь это письмо, значит меня уже нет в живых. Час назад я получил задание, выполняя которое живым скорее всего не вернусь. Ты, не пугайся, малыш, и не унывай. Гордись той гордостью, с которой твой отец идет на смерть. Нашему городу грозит опасность. От выполнения моего задания зависит дальнейшее благополучие Ленинграда. Не каждому доверено умирать за Родину. Я задаю себе вопрос: какие силы помогают мне сохранить мужество в эти часы? И тут же даю ответ: дисциплина и долг. Правильно говорят: от дисциплины до героизма – один шаг. Это, сын, запомни раз и навсегда. Рассказываю тебе обо этом, чтобы ты знал, кто был твой отец, как и за что отдал жизнь. Вырастешь большим – осмыслишь, будешь дорожить Родиной. Хорошо, очень

хорошо дорожить Родиной. Сын, ты в каждом письме ждал моего возвращения с фронта. Без обмана: больше не жди... Прощай. Люблю, люблю до последней капли крови! Выполняйте мое завещание.

Затемнение.

Возникают очертания разрушенного Екатерининского дворца в Пушкине. Олег и Толик бродят среди развалин.

ОЛЕГ. Какой дворец уничтожили, гады! Я был здесь до войны. С экскурсией.

ТОЛИК. Мы с женой тоже. Мне больше всего Янтарная комната понравилась. Что с ней стало? Как думаешь, наши ее вывезли?

ОЛЕГ. Не знаю.

ТОЛИК. Мы целовались на скамейке. Той самой, на которой Пушкин сидел. Такое чувство, что это было давно-давно, в другой эпохе.

ОЛЕГ. Это и было в другой эпохе. В довоенной.

ТОЛИК. Смотри-ка, елка!

ОЛЕГ. Новогодняя. И серпантин.

ТОЛИК. Новый год фашисты справляли.

ОЛЕГ. Тоже люди.

ТОЛИК. Нет! Они не люди! Они враги! Они уроды, изверги! Всех бы голыми руками передушил! Жрали тут и пили свой вонючий шнапс, скоты!

ОЛЕГ. Вот закончится война, неужели в нас навсегда останется эта злоба?

ТОЛИК. Навсегда! И на много поколений вперед!

ОЛЕГ. Я так не думаю. Человеку свойственно забывать. И прощать.

ТОЛИК. Простить? Никогда! Забыть? Разве такое возможно забыть?

ОЛЕГ. Забыть все можно.

ТОЛИК. Ты меня не зли!

ОЛЕГ. Посмотрим, что будет лет через 20...

ТОЛИК. Я так далеко не загадываю. День прошел, ты жив – и этого довольно.

ОЛЕГ. Когда закончится война? Год еще, ведь не больше?

ТОЛИК. Как думаешь, доживем до победы?

Затемнение.

АВТОР. В нашей семье, где и отец, и мать, и бабушки с дедушками пережили блокаду, было особое отношение к хлебу. С раннего детства я знал, что нет ничего вкуснее и нет ничего дороже хлеба. Если тебе протягивали ломоть хлеба, отказаться было нельзя: самое страшное, самое позорное, если тебя заподозрят в нелюбви к хлебу! В детстве меня всегда посылали за хлебом. Нужно было спуститься во двор, пройти еще один двор – проходной, и вот она – крошечная булочная на углу Кирочной и переулка Радищева. Я покупал в ней круглый черный хлеб за 14 копеек. На нем была характерная трещинка посередине, невероятно вкусная корочка, в которую я вгрызался, возвращаясь домой. Я приносил хлеб, который выглядел так, словно его мыши обгрызли! Но никто ни разу слова мне не сказал в упрек. Напротив, глаза родных светились от счастья: ребенок сыт, ребенок любит хлеб! Бабушка рассказывала, как за две недели до полного снятия блокады в двухдневный отпуск

приехал с фронта мой дед Миша и привез с собой буханку черного хлеба....

Возникают очертания комнаты в ленинградской квартире. Утренние сумерки. На кровати лежат Томочка и Фрося. На соседней кровати похрапывает Михаил. Между кроватями стол, а на столе в хлебнице, накрытой полотенцем, лежит хлеб.

ТОМОЧКА. Что-то не спится, мама.

ФРОСЯ. Мне тоже не спится, Томочка.

ТОМОЧКА. А папа спит?

МИХАИЛ. Папа спит. Только не вздумайте хлеб есть! Хватит уже. А то и умереть можно. Сердце, не дай бог, остановится.

ТОМОЧКА (*шопотом*). Почему же это сердце остановится?

МИХАИЛ. Не знаю. Но меня предупреждали. Случаи были. Нельзя с голодухи сразу много есть!

ФРОСЯ. Я тоже что-то такое слышала.

ТОМОЧКА. Неужели от хлеба умереть можно?

ФРОСЯ. Если сразу слишком много съесть, плохо станет. А мы вон как с тобой на хлеб набросились.

ТОМОЧКА. Разве? Мы и не съели ничего...

ФРОСЯ. Давай уж утра дождемся. Утром хлеба поедим.

ТОМОЧКА. Ну, хорошо. Поедим утром...

(Сопят, но заснуть не могут).

ТОМОЧКА. А пахнет-то как!

ФРОСЯ. Хлебом! Ой, как пахнет!

ТОМОЧКА. Давай по маленькому кусочку?

МАТЬ. Ну, давай. Только чтоб папа не услышал...

Мать и Томочка тихо встают, подходят к сколу. Мать отрезает каждой по маленькому ломтику хлеба, они съедают его и снова ложатся в кровать.

ТОМОЧКА *(через какое-то время)*. Ты спишь?

ФРОСЯ. Сплю.

ТОМОЧКА. Я тоже не сплю. Ты хлеб хорошо салфеткой закрыла?

ФРОСЯ. Хорошо. Сама видела.

ТОМОЧКА. Я внимание не обратила. Может проверить?

ФРОСЯ. Ну, проверь...

ТОМОЧКА *(вскакивает, подходит к столу и тут же возвращается)*. Закрыла...

А мыши его не съедят?

ФРОСЯ. Какие мыши, Томочка? В городе уже два года никакой живности не водится!

ТОМОЧКА. Это правда... Что, будем спать?

ФРОСЯ. Будем спать... *(Через какое-то время.)* Что-то никак не заснуть. В голову разные мысли лезут...

ТОМОЧКА. А у меня одна только мысль: он там лежит. На столе. Хлеб.

ФРОСЯ. Ну хорошо, еще по одному кусочку!

ТОМОЧКА. А папа не заругается?

ФРОСЯ. А мы тихонечко.

МИХАИЛ. Ладно уж, еще по кусочку. Только совсем по маленькому!

ФРОСЯ. Мы по махусенькому. Мы ж все понимаем, Миша!

ТОМОЧКА. Встаем?

Встают, подходят к столу. Мать отрезает каждой по кусочку хлеба, и они его съедают. Возвращаются и ложатся в кровать.

ФРОСЯ. Ну, теперь уж точно до утра.

ТОМОЧКА. Как долго ждать...

МИХАИЛ. Какое долго! Светает уже. А вы так глаз и не сомкнули!

ФРОСЯ. Мы спим, Миша. Спим.

Затемнение.

АВТОР. Дед Костя тоже воевал на Ленинградском фронте. Родом он был из богатой купеческой семьи, получил хорошее образование и собирался поступить, как его старшие братья, в Гейдельбергский университет. Но началась революция. Как это неудивительно, дед принял советскую власть. О своем

происхождении он предпочитал умалчивать. В 44-ом году на территорию Ленинградской области стали массово поступать немецкие военнопленные. Тут дед и сознался, что неплохо владеет немецким языком. Его направили переводчиком в отдельный рабочий батальон, состоявший из немцев, прошедших соответствующую проверку. *(Берет со стола деревянную табакерку.)* Вот эту табакерку вырезал в подарок деду один из военнопленных. Табакерка с секретом – не сразу откроешь.

Возникают очертания стройки, обнесенной колючим забором. Константин и охранник курят на бревнышке. Слышно, как кто-то играет на губной гармошке.

КОНСТАНТИН. Красиво играет. Только тоскливо очень. Почти все немцы умеют на губной гармошке играть. Интересно, кто их учит?

ОХРАННИК. А ты спроси, спроси. Ты же по-ихнему лопочешь!

КОНСТАНТИН. И спрошу. А ты чего злишься?

ОХРАННИК. Повесить их надо было всех! А они тут на гармошках играют!

КОНСТАНТИН. За что повесить?

ОХРАННИК. За шею!

КОНСТАНТИН. Они военнопленные. Где твое великодушие и милосердие?

ОХРАННИК. Чего?

КОНСТАНТИН. Русским людям свойственно милосердие.

Подходит пожилой немецкий солдат.

ОХРАННИК. Чего приперся? Хенде хох!

Немец улыбается, поднимает вверх руки.

КОНСТАНТИН. Этот-то чем тебе не угодил?

ОХРАННИК. Все они хороши.

КОНСТАНТИН. Ты приглядиись. Он же почти старик.

ОХРАННИК. А чего ему от нас надо? Ты спроси!

КОНСТАНТИН. Он говорить не может.

ОХРАННИК. Немой, что ли?

ОХРАННИК. Контуженный. Ты слышал, что в старину немых немцами называли?

ОХРАННИК. Не...

Пленный протягивает Константину деревянную табакерку.

КОНСТАНТИН. Ист дас эин гешенк?

Пленный улыбается, кивает.

ОХРАННИК. Чего это он?

КОНСТАНТИН. Говорит, что это мне подарок. Вчера весь вечер что-то ножичком выстругивал. (*Пытается открыть табакерку.*) Как же она открывается?

ОХРАННИК. Дай мне! (*Достает ножик, собирается вскрыть табакерку.*)

Пленный мычит, качает головой, мол, не надо ножик применять.

КОНСТАНТИН. Ножичком любой дурак откроет. Ты лучше пойми, в сем тут секрет.

ОХРАННИК. Да ну ее! *(Отдает табакерку пленному. Тот показывает, как она открывается).*

КОНСТАНТИН. Надо же! Хитро придумано. *(Убирает табакерку в карман).* Спасибо за подарок. Данке шон.

Затемнение.

АВТОР. Из моих родных до Берлине дошел только дед Миша. А свою единственную медаль «За отвагу» он поучил в Польше. *(Берет со стола сложенную в четверть бумагу.)* Вот... Информация с сайта «Подвиг народа». *(Надевает очки, читает.)* «Приказ Командующего Артиллерии 71-ой стрелковой дивизии 70-ой Армии 2 Белорусского фронта ... От имени президиума Верховного Совета Союза ССР награждаю медалью «За Отвагу» телефониста штабного взвода управления...» Это про моего деда Мишу говорится! «...за то что он 17 января 1945 года в период взятия города и крепости Модлин под сильным артиллерийско-минометным огнем противника дал связь в артиллерийские части дивизии и не сходя с линии исправил семь порывов линии связи...» *(Складывает и убирает документ.)* Модлин... Это в Польше. Крепость такая в 30 километрах от Варшавы в месте слияния рек Вислы и Наревы. Ее построили по приказу Наполеона в начале 19 века. Информация из Википедии. Увы, поляки

решили забыть, как наши деды за них воевали... Дед Миша очень дорожил этой своей медалью.

Возникают очертания ленинградской квартиры. Михаил сидит за столом, обедает. Фрося сидит рядом, наблюдает, как тот ест. Раздается стук в дверь. Входит подвыпивший сосед Борис с газетой в руках.

БОРИС. Газету читали? «Известия». Вот! (*Разворачивает газету, медленно читает.*) Указ! «Учитывая многочисленные предложения награжденных орденами и медалями Союза ССР об отмене денежных выплат по орденам и медалям... и о направлении высвободившихся средств на восстановление народного хозяйства СССР Президиум Верховного Совета постановляет: с 1 января 1948 года отменить выплаты по орденам и медалям...» А?! И билет бесплатный на поезд раз в год отменяют! И проезд в трамвае! Как дальше жить?

ФРОСЯ. У тебя-то что за медали? И много ли ты за них получал? А бесплатный проезд тебя вовсе не касается! Это только орденосцам.

БОРИС. Все равно обидно!

МИХАИЛ. Ты только за этим пришел?

БОРИС. Петр Анисимович из девятой квартиры говорит: отвоевали мы свое и стали никому не нужны! Обидели нас!

МИХАИЛ. Так и сказал?

БОРИС. Я, говорит, теперь свой орден детям дворовым отдам. Пусть они им хоть в «чику» играют!

ФРОСЯ. У него ж Орден «Красной Звезды»! Неужели детям на игрушки отдаст?!

БОРИС. Не отдаст. Жена в комодке спрятала.

МИХАИЛ. Я б за такие слова твоему Петру Анисимовичу морду начистил.

ФРОСЯ. С ума сошел, Миша. Он инвалид!

МИХАИЛ. Вот и я говорю, если б не был он инвалид. Где моя медаль, Фрося? Принеси.

ФРОСЯ (*приносит шкатулку, в которой хранится медаль*).
Чего это вдруг она тебе понадобилась?

МИХАИЛ. Она одна у меня. Медаль «За отвагу». Но нет ничего ее дороже! (*Достает медаль из шкатулки, целует и убирает обратно*).

БОРИС. «За отвагу»? В ней 30 граммов серебра. Это точно. Мужики взвешивали.

МИХАИЛ. И что с того?

БОРИС. Говорят, медали будут на деньги обменивать!

ФРОСЯ. И кто тебе такую чушь сказал?

БОРИС. Слышал разговор в трамвае.

ФРОСЯ. Одна баба сказала, да? А ты и поверил!

БОРИС. Интересно, сколько за твою медаль дадут?

МИХАИЛ. Знаешь что, Борис, шел бы ты отсюда! А то ведь я и тебе могу рожу начистить! Я свою медаль заслужил, и торговать ей не собираюсь.

БОРИС. Ну тихо, ты, тихо!

МИХАИЛ. А я говорю, пошел вон! И больше с такими разговорами ко мне не подходи!

Затемнение.

АВТОР. С октября 1944 года 26 Гвардейский истребительный авиационный полк, в котором оказался отец, не участвовал в

боевых действиях. Полк барражировал в небе над Ленинградом, иными словами, охранял город от авиации противника. Но когда закончилась война, отца не демобилизовали, и он прослужил в полку еще 7 лет, аж до 1952 года. На гражданку он вышел в звании гвардии младшего сержанта. Нужно было на что-то жить. Поскольку в армии он освоил профессию ремонтника, то и устроился ремонтником на 1-ю ТЭЦ. Туда же, закончив школу, пришла работать электриком моя мама. Семейное придание гласит, что познакомились они в обеденный перерыв на трубе. «А» и «Б» сидели на трубе.

Возникают очертания ТЭЦ. Олег и Томочка сидят на трубе у каждого в одной руке по бутылке с молоком, в другой – по огромному сдобному рогалику.

ОЛЕГ. Что-то я не видел тебя раньше на станции. Давно работаешь?

ТОМОЧКА. Вторую неделю.

ОЛЕГ. А зовут как? Меня Олег.

ТОМОЧКА. Меня Тамара. В бригаде Томочкой называют.

ОЛЕГ. Кем же ты здесь работаешь, Томочка?

ТОМОЧКА (*гордо*). Электромонтером!

ОЛЕГ. Уж не в бригаде ли Сенцова?

ТОМОЧКА. Точно. У Сенцова.

ОЛЕГ. Так это про тебя рассказывают, как ты его отбрила?

ТОМОЧКА. Про меня. Только он сам виноват! Мне лампочку надо было в бойлерной поменять. А лестница высокая, тяжелая. Мне ее никак было в бойлерную не затащить. А тут как раз Сенцов мимо проходил. Я его и попросила помочь.

ОЛЕГ. И что же, помог?

ТОМОЧКА. Куда там! Начал мне лекцию читать, что он начальник, и не его это дело лестницы таскать. Я слушала, слушала, ну и ответила...

ОЛЕГ. И что ответила?

ТОМОЧКА (*смеется*). Будто вы сами не знаете! Об этом все уж неделю только и говорят.

ОЛЕГ. Знаю. Мне интересно от тебя услышать.

ТОМОЧКА. Сказал: «Карманное издание мужчины!» А в это время слесарь Петров мимо проходил и услышал. И всем растрепал.

ОЛЕГ (*хохочет*). «Карманное издание мужчины». Так он и вправду ростом не вышел! Теперь боится по станции ходить.

ТОМОЧКА (*смеется*). С меня он ростом! А мнит себя Наполеоном!

ОЛЕГ. А ты боевая! От горшка два вершка, а какой язычок злой!

ТОМОЧКА. Это я от горшка два вершка? Это вы мне?

ОЛЕГ. Тебе...

ТОМОЧКА. А разве мы с вами на «ты» перешли? Что-то я не припомню.

ОЛЕГ. Ну ты чего, Томочка...

ТОМОЧКА. Я вам не Томочка! Извольте меня Тамарой называть! И на «вы»! И по отчеству!

ОЛЕГ. Я твоего отчества не знаю.

ТОМОЧКА. И прекрасно! И не узнаете никогда!

ОЛЕГ. Ну, не сходи с ума! Хочешь после работы в мороженицу сходим? (*Берет Томочку за руку*).

ТОМОЧКА (*отдергивает руку*). И трогать меня за руку я вам не позволяла!

ОЛЕГ. Ну вот! Ничего не понимаю!

ТОМОЧКА. И не поймете никогда с вашими куриными мозгами! (*Уходит*).

ОЛЕГ (*идет следом за ней*). Куда же вы, Тамара! Не убегайте, пожалуйста!

Затемнение.

АВТОР. А потом они поженились, и на свет появился я. Отец окончательно похерил мечту стать художником, он продолжал рисовать, но только для себя. Это были карандашные портреты знакомых и акварельки по памяти. Свои рисунки он раздавал всем подряд, из его работ в доме почти ничего не осталось. Отец пошел учиться в Электротехнический институт на вечернее. Помню, как он сидит за письменным столом и что-то чертит, а его всячески отвлекаю: то пытаюсь залезть на плечи, то запихнуть в

розетку циркуль, который только что вытащил из готовальни, то достают из железной коробки шурупы, познавая таким образом окружающий мир. Отец терпеливо это сносит, не ругается, не повышает голос. Вот как это было. *(Надевает на палец шарик с нарисованной на нем рожницей, как это делал в своем знаменитом номере кукольник Образцов, и разыгрывает сценку, говоря разными голосами).*

– Папа, а это что?

– Это шуруп.

– А это что?

– Это тоже шуруп.

– А это что?

– И это тоже шуруп.

– А это шуруп?

– И это тоже шуруп!

Отец часами готов был вести со мной эти высоко содержательные беседы.

Среди вечерников были такие же, как и отец, фронтовики за тридцать лет и старше. Толик Иванов, с которым отец подружился на фронте, закончил вечернюю школу и тоже поступил вместе с отцом. Они учились в одной группе.

1-го мая мы ходим с папой на демонстрацию. Вернее, идет он, а я гордо еду у него на плечах. В 1965 году День победы объявили выходным днем, к тому времени отец и его друзья уже окончили институт, но каждый год вместе отмечали этот святой для всех праздник. В тот год встретиться решили в полдень в Александровском саду у памятника Пржевальскому. «У верблюда», – пошутил кто-то. Если помните, в основании памятника лежит, натертый туристами до золотого блеска, бронзовый верблюд. Так вот Толик как всегда все перепутал.

Возникают очертания памятника Пржевальскому в Александровском саду. Олег и Филипп поглядывают на часы.

ФИЛИПП. Ну вот, все уже собрались, только твоего Толика нет.

ОЛЕГ. Почему моего?

ФИЛИПП. Потому что ты носишься с ним, как списанной торбой. Он что-нибудь отчебучит, а ты его защищаешь!

ОЛЕГ. Надо дожидаться.

ФИЛИПП. Вообще-то, он адрес мой знает. Доберется как-нибудь.

ОЛЕГ. Ну, еще хотя бы полчаса. Мы куда-то опаздывает?

ФИЛИПП. Не люблю на месте топтаться. Небось, зашел в ближайшую рюмочную принять на грудь для разогрева, да там и остался.

ОЛЕГ. Зачем же ты так, Филипп?

ФИЛИПП. Вполне на Толика похоже.

ОЛЕГ. У него сердце последние годы барахлило, ты знаешь? Он в больнице лежал с предынфарктным состоянием.

ФИЛИПП. Знаю. Ну тогда звони ему домой.

ОЛЕГ. У тебя есть двушка?

ФИЛИПП. У меня-то есть. А вот у тебя почему-то никогда нет...

ОЛЕГ. Не ворчи...

Филипп достает из кармана двухкопеечную монету, дает Олегу. Олег заходит в телефонную будку. Набирает номер. Через какое-то время выходит.

ФИЛИПП. Ну что?

ОЛЕГ. Маша сказала, вышел из дома больше часа назад. Вместе с дочкой. Теперь и она будет нервничать.

ФИЛИПП. Все-таки я был прав.

ОЛЕГ. Постой, я не спросил, куда он поехал... Вдруг чего-то перепутал? Дай еще двушку...

Филипп нехотя дает Олегу еще одну монетку. Олег снова звонит. Потом выходит из будки, громко смеясь.

ФИЛИПП. Что такое?

ОЛЕГ. Представляешь, они с Ленкой поехали в зоопарк! Он решил, что мы встречаемся в зоопарке у клетки с верблюдом!

ФИЛИПП. Ну вот! Все правильно поняли, один твой Толик...

ОЛЕГ. Не бурчи. Собирай ребят, и едем в зоопарк!

Затемнение.

АВТОР. Я хорошо запомнил этот день и наш поход в зоопарк. Потом гулянье по Неве и праздничное застолье у Филиппа. Они с женой Ритой жили в огромной коммуналке на углу Невского и Большой Морской, где раньше был кинотеатр «Баррикада».

Из комнаты доносилось пение Толика, он всегда брал с собой гитару.

Мы, дети, играли в коридоре. Это был широкий, уходящий, как мне тогда казалось, в бесконечность коридор. Нас было пятеро. Леша, Ваня и Петя на 4 года старше меня, а Ленка, дочь Толика, младше на два года. Старшие мальчишки гоняли по коридору на соседском велосипеде, а мы с Ленкой бегали за ними. «Вот они – сыны нашего полка», – сказал как-то Филипп. «Сыны полка» – так это за нами и закрепилось.

С тех пор прошло больше 50 лет. Отец давно ушел из жизни. А Толик и того раньше. Ушли из жизни все отцовские товарищи. В День победы я иногда захожу в Александровский сад, стою у памятника Пржевальскому. «У верблюда». Там всегда многолюдно. Увы, ни разу не встретил там никого из знакомых.

В очередной раз, перебирая семейный архив, я наткнулся на старую записную книжку отца. А в ней – адрес

и телефон Толика Иванова, Филиппа и всей их студенческой компании. Я позвонил по номеру Толика, в нем изменились только первые цифры. Спросил Лену. Ту самую, с которой мы гоняли по коридору. Не сразу, но она вспомнила меня. Удивилась. Столько лет прошло, у нее уже внуки. Я предложил ей встретиться в День победы.

– Где?

– Как где? У верблюда!

Лена сама вызвалась обзвонить друзей отца. Я продиктовал ей их старые телефоны. Кое-кого она отыскала. И теперь я с волнением жду этой встречи 9 мая. Кто из них придет? Хочется верить, что все соберутся. С семьями. С внуками. Мы встретимся в Александровском саду. Вспомним наших отцов. Потом, как прежде они, будем гулять по Неве. А когда про Невскому двинется «Бессмертный полк», мы примкнем к нему. Это Победа наших отцов. Значит, это и наша победа. Все вместе мы – сыны Бессмертного полка.

Занавес.

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ЛИРИКА БОРЦА ЗА МИР Р. ГАМЗАТОВА

ВЕДУЩАЯ:

Патриотическая лирика Расула Гамзатова выполняет общественно-значимую роль в мире, ибо посвящена миру и беспрестанно зовет к нему все народы. Гамзатовская лирика протягивает нити поэзии от Дагестана к миру, от горской сакли, от горских мудрых стариков – к людям земли. Рожденная на плоской крыше отцовского дома, песня Мира Расула Гамзатова сначала облетела район, потом Дагестан, всю нашу страну и, выйдя за ее пределы, начала свое шествие по странам Европы, Азии, Африки, Америки. Она продолжает прокладывать мосты дружбы и человеческого братства между разноязычными народами. Она стала дорогой и близкой народам земли, потому что она несет в себе мысли о самом сокровенном: о мире, о хлебе, о цветах, о человеческих надеждах и заботах.

ВЕДУЩИЙ:

Сколько волнующих строк написано Поэтом о мужественных защитниках Плайя Хирон, о голодных детях Индии и Африки, о смерти детей, стариков и женщин от лучевой болезни в Японии. Поэмы «Песня двадцатилетних», «Колокол Хиросимы», «Последняя цена», «Остров женщин» - произведения мирового звучания и значения. Пронизанные четкой гражданственностью, боевой публицистичностью, эти поэмы наполнены заботой о судьбах нашей планеты – колыбели человечества, чтобы она не превратилась в остров слез и страданий, остров человеческого горя, безжизненный, испепеленный.

ВЕДУЩАЯ:

Весь мир патриотической лирики Гамзатова сфокусирован на человеческой личности, все соизмеряется с высоким призванием человека утверждать на земле доброе и вечное, вести беспощадный бой со злом и жестокостью. Чужой боли не бывает. Вот почему Р. Гамзатов вновь и вновь обращается к памяти истории. Все страдания и боли человечества проходят через сердце Поэта:

ЧТЕЦ 1:

*Поэт обходить не научен беду,
А радости сами проносятся мимо.
И я - Ленинград в сорок первом году,
И я - в сорок пятом году Хиросима.
Еврея - в Трехлинке сжигают меня,
Я в Лидице - чех, я француз в Орадуре.
Где б ни был пожар, не уйти от огня,
Где гром ни гремел бы, я гибну от бури.*

ВЕДУЩИЙ:

Р. Гамзатов писал: «Я мечтаю, чтобы струны моего пандура пели о всех цветах земли – и о черном, раз он существует, но сильнее всего торжественней о красном, потому что за красное, за свободу, за интернациональное родство людей труда человечество платит самой дорогой ценой. Наша литература пусть непрестанно бьет тревогу о плохом, а о хорошем пусть она звенит на всю планету «Но забвение не должно остужать сердца», и об этом напоминает Р. Гамзатов:

ЧТЕЦ 2:

*Если лет неодолима память,
Велика ль цена горючих слез?
Память, говоришь? Какая память?
Бабий Яр травой уже зарос.
Жизнелюбы, напрягаем силы.
Словно на последнем берегу.
И, как волны, множатся могилы,
Замерев безмолвно на бегу.
Тайно смерть на людях ставит знаки,
И на жизнь невелика цена.
Унесли две атомных атаки
Сонм людей! Прожорлива война!...
Вон гляди: на этом камне стертом
Тень того, кто словно дым, исчез,
В одночасье, если верить мертвым,
Рухнули на землю шесть небес.
Все века двадцатое столетье
Затмевает по числу могил.
А еще в запасе - бомба третья...
К смерти мир себя приговорил.*

ВЕДУЩАЯ:

Произведения о трагедии Хиросимы появились не вдруг и не случайно. Дважды Поэт посещает Хиросиму – столицу трагедии планеты. Как отмечает Р. Гамзатов: «Хиросима – это жгучая рана на сердце и совести человечества. Много сказано о ней, много написано и немало сложено горьких песен. Хиросима – этим именем поклялись люди, это горе всего человечества, это не далекая чужая беда. Увидев город, я позабыл все, что видел. Увидев его, я

вспомнил все, что пережил. Словно младшие, которые встают, уступая место, когда входят старики, так и мои прежние чувства боли и сострадания уступили место гнетущему чувству».

ЧТЕЦ 1:

*Шар земной, для одних ты арбуз. На куски
Разрезают тебя и кромсают зубами.
Для других ты - лишь мяч, и, толпясь, игроки
То хватают тебя, то пинают ногами.
Шар земной для меня не арбуз и не мяч.
Шар земной, для меня ты - лицо дорогое.
Я слезинки твои утираю - не плачь,
Кровь смываю твою и пою над тобою.*

В незабываемом августе 1999 году, когда черное крыло войны коснулось отчего края, предельно ясно обозначилась гражданская позиция Расула Гамзатова.

Голос из-за кулис:

«Я думаю о погибших отцах, о братьях, павших на полях сражений, о тех, кто лежит под каменными плитами кладбища моего аула, моего города. Вспоминаю памятники трагедий Освенцима, Лидице, Орадура. С болью думаю о тех, кто погиб в Хиросиме от атомного взрыва».

(Расул Гамзатов)

(Звучит фонограмма гула колокола)

ЧТЕЦ 2:

*В Хиросиме этой сказке верят:
Выживает из больных людей
Тот, кто вырежет, по крайней мере,
Тысячу бумажных журавлей.
Мир больной, возьми бумаги тонкой,
Думай о бумажных журавлях,
Не погибни, словно та японка,
С предпоследним журавлем в руках.*

Поэт отчетливо видел виновников, видел своих противников. В «Колоколе Хиросимы» те, с кем ведется этот поэтический диспут, персонифицированы. И поэтому поэма принимает характер обвинительного акта, предъявляемого автором непосредственным виновникам.

ЧТЕЦ 1:

*И в светопреставленьи виноватых
Найти с тобой мы можем хоть сейчас.
Еще живет в Соединенных Штатах
Старик, отдавший дьявольский приказ.
Его изобличим мы без усилий,
Греми, судейский колокольный зык.*

ВЕДУЩИЙ:

Гамзатов – поэт-борец, поэт-интернационалист. Перефразируя слова Некрасова, скажем, поэзия – была ему подспорье в борьбе, а борьба его носит дух поэзии, силу поэзии, смелость в поэзии. Он остро, метко клеймил зло, подлость, невежество и темноту, утверждая на земле свободу, равенство, братство людей. Заседал ли он в Президиуме, или

в Комитете мира, или в Комитете солидарности стран Азии и Африки он утверждал свободолюбивую и миролюбивую идеологию.

«И за отеческим пределом Достоинo, кажется, всегда Я представлял державу в целом, Кавказец родом из Цада».

ВЕДУЩИЙ:

С большой полнотой публицистический строй мыслей и чувств выражен в первых двух поэмах Р. Гамзатова – «Колоколе Хиросимы» и «Дне двадцатилетних». В определенной степени поэмы могут быть представлены как образцы политической лирики и поэтической риторики, демонстрирующие, насколько политика вошла в плоть и кровь их автора, вызвала в нем неукротимое стремление и потребность изложить свое мнение, свой взгляд на события мирового плана, необходимость идти и сражаться с поджигателями войны.

ВЕДУЩАЯ:

Особенно четко прослеживается все это в поэме «Колокол Хиросимы». Рождению ее предшествовал очерк поэта под названием «Хиросима видна отовсюду», в котором уже были намечены основные контуры поэмы, ее страсть, ее открытый пафос, ее проникновенный лиризм. «Хиросима – горе всего человечества, это не далекая чужая беда... На одной из площадей Хиросимы, на маленькой возвышенности стоит колокол мира. Я бил в этот колокол. Его звон до сих пор раздается в моих ушах...» – писал поэт. Эти мысли публициста и были переведены позднее в поэму как призыв к действию, как мольба и заклинание, где как в кадрах

кинохроники, проносятся картины страшного прошлого, возникают видения будущего. Гамзатов использовал в поэме известный условный прием воскрешения мертвых. Зов колокола оживляет тысячи уничтоженных в Хиросиме в одночасье безвинных людей.

В конце 80-х годов Р. Гамзатов получил необыкновенный пакет от американских детей. В пакете были тысячи бумажных журавлей, таких же, какие не успела вырезать японская девочка. Так дети Америки выражали надежду на выздоровление нашего больного мира, больного века. Письмо американских детей и ответ Р. Гамзатова были напечатаны в газете.

Как отмечал Р. Гамзатов: «Эти бумажные журавли разбудили во мне много добрых чувств. Я подумал о костре дружбы во время встречи на Эльбе наших и американских солдат, о рукопожатиях на полях войны людей разных наций, языков, религий, о жертвах, принесенных ради жизни на земле солдатами, и особенно молодыми, всех стран Америки, Азии, Европы». Поэт призывал совместно содействовать добру на земле, во имя мира на всей планете.

ЧТЕЦ 1:

*Двадцатый век сурово хмурит брови,
Мы дети века, стыд нам и позор:
Ведь никогда так много лжи и крови
Не проливайтесь в мире до сих пор.
Двадцатый век устало щурит веки,
Мы дети века, честь нам и хвала:
Быть может, никогда, как в нашем веке,
Мир не боролся против лжи и зла.*

ВЕДУЩАЯ:

Все годы своей жизни Расул Гамзатов боролся за мир, строками, горящими проникая в сознание цивилизованного общества и зовя его сомкнуть ряды миротворцев, ибо еще не наступило время мирного благополучия, когда еще вспыхивают такие ненавистные слова, как «насилие», «террор».

ЧТЕЦ 2:

*Иногда промелькнет на страницах газет
Про воздушный разбой, как нелепое что-то.
Над виском у пилота - чужой пистолет:
Подневольно меняется курс самолета.
Знаем мы, что пилоты - не робкий народ,
Подозренья в предательстве не заслужили.
Улетает в чужую страну самолет,
Потому что у них за спиной пассажиры...*

ЧТЕЦ 1:

*Не шелк с караваном верблюжьим
Плывет сквозь пустынную тишь.
Чем нынче торгуем?
Оружьем!
Дает наивысший барыш!
Там пулей поставили точку
Там угнан опять самолет.
И слышится:
Деньги на бочку! –
Разбой обретает почет.*

ВЕДУЩИЙ: Когда черное крыло войны в 1999 году коснулось отчего края, Расул Гамзатов гневно заклеил пособников войны и верил в победу дагестанского народа: «Война показала, кто есть кто. В дагестанском народе не раз были борения мысли и столкновения чувств, проявления национального эгоизма, но это все, к счастью, либо вообще исчезло, либо отошло на второй план. В эти дни я особенно горжусь тем, что я – дагестанец, ибо наш народ продемонстрировал лучшие качества – единство, сплоченность и веру в правое дело».

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ.....	2
УРОКИ ПАМЯТИ	
Юрий Ломовцев «СЫНЫ БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА» (Повесть для театра в картинах, воспоминаниях, документах).....	6
ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ЛИРИКА БОРЦА ЗА МИР Р. ГАМЗАТОВА.....	88

**Министерство культуры Республики Дагестан
Республиканский дом народного творчества МК РД**

ВСЕМИРНЫЙ ДЕНЬ ТЕАТРА

*Репертуарно-сценарный сборник для КДУ, центров
культуры, детских театральных студий и коллективов
к Всемирному дню театра
27 марта*

Подготовлено

**Республиканским домом народного творчества
МК РД**

РДНТ МК РД
367010, г. Махачкала,
ул. О. Кошевого, 35 «а»
www.dagfolkultura.ru